

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

ЗАХАР ПЕТРОВ

МЕТРО 2035

**МУОС
ПАДЕНИЕ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗО

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

Оформление серии — Павел Бондаренко

Петров, Захар.

ПЗО Метро 2035: Муос. Падение: [фантастический роман] / Захар Петров. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Вселенная метро 2035).

ISBN 978-5-17-113820-2

Что есть Истина? В поисках ответа на этот вопрос Вера готова на все. Не найдя ответа у диггеров, она пришла в спецназ, поступила в Университет, стала офицером и будет посвящена в следователи. Она пройдет весь Муос и истопчет Поверхность, оставит за собой трупы врагов и потеряет друзей.

Но успеет ли Вера найти то, что ищет, до прихода в подземный мир нового апокалипсиса?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113820-2

© Глуховский Д.А., 2018
© Петров. З., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

І. Следователи

1

— Я не понимаю тебя, Тхорь... Командир...

— А я не нуждаюсь в твоём понимании, Стрелка. Я уважаю тебя, ты хороший воин, нужный офицер. Но теперь я — Командир, ты будешь слушаться моих приказов и впредь не только не будешь обсуждать их вслух, но даже и вида не покажешь, что с чем-то не согласна. И это наш последний разговор, когда ты говоришь со мной в таком тоне. Ты поняла меня, старший лейтенант?

— Так точно, Командир!

— Отлично! Иди, готовься к выступлению.

Вера сильнее нужного стукнула сапогами один о другой и развернулась на выход из кабинета Командира спецназа. Тхорь, кличку которого ей уже давно пора позабыть, смотрел в спину уходившего офицера. Он говорил с Верой строго, сразу указав на дистанцию, которая отделяет командира пятерки от Командира спецназа. Но что-то было в его взгляде, заставлявшее Веру думать, будто он сожалеет о своих действиях. А может быть, он еще просто не привык быть среди уборов первым человеком.

Вера вернулась из Госпиталя в Урочище, которое было тем и не тем, что раньше. Казарма почти обезлюдела — все были на войне с диггерами. Только женщины и дети наполняли Урочище своими голосами. На время войны здесь для несения дежурств оставалась только одна пятерка, да еще одна набралась из раненых, которые успели выписаться из Госпиталя.

ЗАХАР ПЕТРОВ

Чем ближе она подходила к входу в Урочище, тем меньше оставалось в ней тех мыслей и сомнений, которые наваливались на нее в Госпитале. Войдя в казарму, она остановилась возле шконки Паука. На маленькой полочке стояла вырезанная из дерева лошадка. Почему-то Пауку последнее время нравилось делать фигурки именно лошадей — этих давно погибших в атомной войне красивых животных. Лошадка была почти готова: при нажатии на загривок она немного сгибала шею и чуть-чуть приподымала ноги. Как раз в день ухода на войну Паук покрасил черной краской приклеенные льняные пучки, имитировавшие гриву и хвост, а также аккуратно прорисовал копытца и глаза. Закончить свою работу, покрыв все коричневой краской, он собирался после возвращения с задания. Вера поставила лошадку на ладонь и подивилась тонкой работе погибшего мастера. Она грустно подумала, что у детей в Урочище не скоро появятся такие чудесные игрушки. Лошадку она решила оставить себе и, как будто воруя, быстро сунула ее в свой рюкзак.

Подойдя к шконке Фойера, она вспомнила, как всегда радовался, видя ее, этот немолодой весельчак. Шконка была аккуратно заправлена — казалось, что она ждала своего хозяина. Вера не удивилась бы, если б со стороны столовки теперь раздался веселый разговор Фойера, часто начинавшийся словами «А наша Стрелка...».

Где-то еще воевали Саха и Паха, но без Фойера и Паука Урочище для Веры стало пустым и холодным, да и внутри нее тоже была эта леденящая пустота, которую сможет заполнить только кровь врагов, убивших ее друзей. Она хотела быстрее уйти на войну, которая длилась слишком уж долго. Она была уверена, что там она нужна как никто. Не зная диггеров, Штаб тратит силы республиканцев зря, и только она смогла бы встряхнуть ситуацию и помочь быстрее закончить эту битву.

Когда на следующий день ее в кабинет вызвал Командир, Вера ожидала, что ее направят к своим солдатам, но вместо этого Тхорь приказал ей с четырьмя бойцами осуществить сопровождение какой-то научной экспедиции из Ученого совета,

МЕТРО 2035: МУОС. ПАДЕНИЕ

Штаба и Инспектората. Прежде чем отдать приказ, Тхорь разразился длинным вступлением о том, что ей надо окрепнуть после Госпиталья, что кто-то должен оставаться в Урочище, что сопровождение экспедиции — тоже важное задание. И Вера поняла, что это не решение Тхоря, а указание Штаба отказаться от ее участия в противостоянии с диггерами, и была этим взбешена. Вера хотела, чтобы война быстрее закончилась, после чего она просто сядет и обдумает, как ей жить дальше, а вместо этого ее почему-то не пускают туда, где она очень нужна, туда, где погибли ее Паук и Фойер и где сейчас воюют Саха и Паха.

2

— Офицер, я думаю, вам сообщили порядок наших отношений — я имею в виду, кто кому подчиняется в этой экспедиции? — с явным пренебрежением спрашивала ученый-биолог.

Вера несколько раз видела эту немолодую, но стройную женщину с очень тонким носом и колючими темными глазами в Университете. Студенты из числа медиков и биологов называли ее Трахеей: может быть, из-за высокого роста, а может, из-за постоянного крика, которым она одаривала студентов-медиков, аграриев и зоотехников, и без того боявшихся ее до заикания. Вряд ли профессор помнит Веру-студентку и теперь несколько обескуражена тем, что именно девушка руководит «группой сопровождения», как нелепо окрестили сборную пятерку в Штабе.

— Да, доктор, мне сообщили, что я должна выполнять ваши указания.

— Вы должны выполнять приказы! Все мои приказы, как бы вы к ним ни относились! Я предупреждаю всех: поселение Ботаники заражено. Все, кто в нем находится, — носители или потенциальные носители опасной болезни. Все мы тоже рискуем заразиться, но это само по себе не так страшно. Страшно будет, если мы вынесем болезнь за пределы Ботаников — медленное вымирание ждет тогда всех жителей Муоса. Поэтому даже малейшее повреждение скафандра означает, что одетый

7

ЗАХАР ПЕТРОВ

в него остается в Ботаниках на неопределенный срок — независимо от того, из-за чего случилось повреждение.

Это задание не нравилось Вере все больше и больше. Единственный положительный момент в нем — в этой экспедиции была Джессика. Времени поговорить у них не было, да и их окружение к этому не располагало. И все же, встретившись глазами с мулаткой, Вера едва сдержала радостное удивление; а Джессика даже не собиралась ничего сдерживать и во все тридцать два зуба улыбнулась своей бывшей пациентке. Если бы Вере сообщили, что эта начинающая эскулапка напросилась идти в зараженное поселение сама, она этому совсем не удивилась бы.

Кроме ученой тетки и Джессики, которым предстояло обследовать зараженных и оказать им помощь, с ними шли два инженера с целью «обследовать помещения и коммуникации поселения Ботаники», а также низкорослый щуплый майор из Штаба, совершенно не похожий на военного, не посчитавший нужным представиться или хотя бы сообщить свою роль в этой миссии. Его непонятное присутствие Вере не понравилось тем больше, что по старшинству звания он должен был командовать военной частью экспедиции, однако дал понять, что командование остается за Верой, а он будет только присутствовать.

Коридор, ведущий к главному входу в Ботаники, был прегражден тремя герметично натянутыми прорезиненными льняными тряпками-перепонками. Для того чтобы попасть за перепонку, они должны были приподнять нижний ее край, прижатый к полу тяжелой металлической арматурой, а поверх еще замазанный мокрой глиной. Между первой и второй перепонками они надели скафандры. Офицер и мужчина в сером одеянии — по-видимому, медик — внимательно осмотрели их со всех сторон, а потом провели по стыкам скафандров кисточкой, которую макали в ведро с тягучей серой массой — каким-то антисептиком, очень вонючим, судя по тому, как кривились они оба. Между второй и третьей перепонкой их встретил усиленный наряд вооруженных армейцев в толстых повязках, закрывающих рты и носы. За третьей, у самой металлической двери в бункер, они

МЕТРО 2035: МУОС. ПАДЕНИЕ

увидели еще несколько солдат в скафандрах. Пол и стены здесь были мокрыми, скафандры армейцев — тоже. Все здесь регулярно и тщательно заливалось антисептической жидкостью.

После того, как все оказались по эту сторону перепонки, армейцы тщательно закрыли лаз, замазали его стыки глиной. Один из солдат, по-видимому, старший наряда, обратился к Вере, видя в ее руках офицерский арбалет:

— Приготовьтесь к бою, могут попереть — было уже такое. Чуть что — стрелять на поражение.

Вера кивком отдала команду, ее люди взвели арбалеты. То же сделали и двое армейцев. Остальные солдаты привели в действие два больших баллона с поршнями. Двое армейцев стали качать поршни, двое взяли в руки идущие от них шланги, направив распылители в сторону двери.

Офицер открыл толстую дверь — неокрашенную, с мощными засовами и герметичными зажимами, со следами свежей сварки. За ней была еще одна дверь — старая, с облезлой краской, вмятинами и царапинами. Похоже, наружная дверь была смонтирована совсем недавно, уже после объявления карантина — ее можно было открыть только снаружи. Из шлангов в дверной проем брызнули две распыленные струи обеззараживающей жидкости. Командир, стоя в этом облаке, постучал прикладом арбалета в дверь. Оттуда послышался полный надежды взволнованный женский голос:

— Кто там? Кто?

Офицер громко, но бесстрастно ответил:

— К вам пришла медицинская помощь, как вам и обещали. Но чтобы не получилось, как в тот раз, дверь отмыкаете, но не открываете — мы сами ее откроем. Отходите на десять шагов назад и ждете там, пока к вам не войдут врачи. Кто-нибудь рванет к двери — сразу стреляем. С врачами будут военные — убры. Во всем слушаетесь их — им приказано убивать всех, кто без разрешения попытается приблизиться или сделать что-то не так. Вам понятно?

— Да-да! Все понятно! Я открываю дверь, и мы отходим.

ЗАХАР ПЕТРОВ

Лязгнуло запорное устройство. Офицер повернулся и сообщил: — Входите очень быстро, чтобы дверь была открыта как можно меньше времени. Чтобы выйти, стукните три раза по три с короткими промежутками. Вас я тоже предупреждаю: если кто-то будет ранен или допустит повреждение в скафандре — можете даже не выходить, оставайтесь там. Все, я открываю дверь: военные вперед, врачи и прочие — за ними.

Офицер открыл дверь, быстро заглянул внутрь и убедился, что поселенцы отошли достаточно далеко, а потом шагнул в сторону, оставив проход пустым. Его солдаты еще сильнее стали давить на поршни, от чего струи распыляемой жидкости создали сплошную туманную завесу в дверном проеме. Вера вслед за своими людьми почти вбежала в помещение. Буквально через секунду за ними захлопнулась дверь.

Поселение Ботаники располагалось в бывшем подземном служебном помещении Минского Ботанического сада. Когда-то оно использовалось как хранилище для семян, саженцев, для проведения каких-то ботанических исследований — собственно, это и дало название поселению. Поселение Ботаники было относительно небольшим, но многолюдным. До нашествия ленточников оно не имело статуса самостоятельного поселения, входило в юрисдикцию станции Академия наук, с которым соединялось прямым подземным коридором. Ботанический сад, очищенный от экзотических деревьев и кустарников, превратился в плодородное поле, способное прокормить почти семь десятков Ботаников. После изгнания ленточников поселение Ботаники заполнили переселенцы, которых из-за естественного прироста и плановой миграции становилось все больше. Сюда же на постоянной основе прикомандировали двух ученых из Университета для проведения исследований по выведению новых сортов картофеля, льна и других культур.

Вера всматривалась в этих перепуганных людей, носивших заношенные повязки сомнительной стерильности и эффективности, но видимых признаков какой-либо болезни не заметила.

МЕТРО 2035: МУОС. ПАДЕНИЕ

— Администратор жив? — спросила профессор.

— Пока жив, — ответил один из мужчин. — Но вряд ли вы захотите с ним общаться.

— Понятно — заражен. А кто здесь за старшего?

— Аня! Ты? — выступила вперед высокая женщина в очках, вымученно улыбаясь и всматриваясь в стеклянное забрало скафандра профессора. — Я надеялась, что сюда пришлют именно тебя, подруга.

Женщина неуверенно сделала шаг вперед. Профессор резко одернула ее:

— Тамара, оставайся на месте. Ни шагу вперед. Обниматься мы с тобой не будем. Тебе как биологу должно быть понятно почему. Но помощь твоя, конечно, будет мне нужна.

Тамара растерялась, услышав ледяной тон своей подруги, и, как бы оправдываясь, с нескрываемой обидой сообщила:

— Анна, я здесь не сидела сложа руки. С Виктором, пока он не... мы работали по изучению этого. Но у нас нет нужных приборов, расходников...

— Да уж, работали они... Вот она, ваша работа, повылазила вся наружу... Наделали... — недовольно забурчали Ботаники, сдерживая свои эмоции в присутствии посторонних и к тому же вооруженных людей, не оставляя сомнений в том, кого они винят в своих бедах. Царапины на лице Тамары, ее подпухшие от слез глаза и загнанный взгляд говорили о том же.

— Ладно, начинаем работать! Я бы предпочла, чтобы нам не мешали, — властно сообщила профессор, повернувшись вполоборота к Вере и тем самым дав понять, что ей пора действовать. — А ты, Тамара, иди со мной.

Вера немедля кивнула своим бойцам и, чуть приподняв арбалет, громко крикнула:

— Все зайдите в то помещение. Что это у вас? Кладовая? Отлично, все зайдите туда. Так, хорошо. Если кто-то попытается выйти, мы стреляем без предупреждения. Если это случится, могут пострадать дети. Еще раз насчет детей — вы за них в ответе, поэтому позаботьтесь, чтобы никто не выходил...

ЗАХАР ПЕТРОВ

Ботаники удивились, услышав женский голос, не слишком искаженный фильтрами скафандра, но все же покорно попятись. Они едва вместились в кладовую. Снаружи за ними заперли дверь.

— Офицер, предпочту, чтобы вы шли с нами. Там больные, и я бы не хотела всяких недоразумений, — вроде как попросила, но на самом деле приказала профессор.

— А мы пока займемся своими делами, — сообщил один из инженеров, направляясь со своим коллегой осматривать помещения. Штабист уже давно от них отошел и, смешно заложив руку за спину, прохаживался взад и вперед, как на прогулке, при этом внимательно осматривая пол, стены, потолок и внутреннее убранство помещений.

Вера убедилась в прочности запора, оставила там двух солдат, а сама с еще двумя направилась за профессором и Тамарой. Они вышли в коридор, который огибал основное помещение по периметру. Профессор пропустила Веру вперед как бы из вежливости, но Вера подумала, что профессор боится своей подруги, вернее, той заразы, носителем которой она может быть. Из-за Вервиной спины Анна спросила у Тамары:

— Твои соображения?

— Это мицеон.

— Я читала это в твоей докладной. Но насколько ты в этом уверена?

Тамара остановилась и резко обернулась.

— Анна, мне бы поговорить с тобой наедине.

После недовольной паузы профессор ответила:

— Ладно. Где тут у вас есть какой-нибудь закуток? И кстати, офицера ты можешь не бояться. Она умеет быть глухой и слепой. Ведь так, офицер?

У Веры нарастала неприязнь к профессору, причину чего она пока сформулировать для себя не могла. Может быть, из-за патологической трусости, проявившейся в брезгливой манере общения этой женщины со своей коллегой и, надо полагать, бывшей подругой, и вылившейся в боязнь остаться с ней на-

МЕТРО 2035: МУОС. ПАДЕНИЕ

едине даже в скафандре. Вера дала знак остальным оставаться на месте и пошла за Тамарой. Когда они зашли за поворот коридора, Тамара каким-то неестественным сбивающимся голосом, стараясь говорить достаточно громко, чтобы слышала Анна через прорезиненную ткань головной части скафандра и в то же время не слышали те, кто оставался за углом, быстро проговорила:

— Анна, Ботаники догадываются, что причина болезни — наши с Виктором испытания. Если они узнают, меня и Виктора убьют, хотя он и так почти мертв. О мицеоне... Очевидно, грибок в результате очередной мутации стал очень агрессивным. Виктор заразился первым, скорее всего, от спор мицеона. Он долго температурил, а потом у него пошла сыпь. У нас был небольшой запас антибиотиков — Виктор сдерживал ими развитие болезни. Но большую часть антибиотиков Виктор вколол мне, хотя ему они были нужнее, я отказывалась, но он настоял — ты же знаешь Виктора. Скорее всего, это и спасло меня, вернее, пока спасло. А местные начали заражаться один за другим — споры мицеона здесь везде. То, что я пока внешне здорова, а Виктор сообщил о болезни далеко не первым, временно спасло нас от расправы, иначе местные точно решили бы, что болезнь пошла от нас... Анна! Вытащи меня отсюда! Заприте меня в отдельную палату в инфекционке Госпиталя или у себя в лаборатории, наблюдайте, а когда убедитесь, что я чиста, выпустите, и я буду работать над этим. Умоляю тебя, сделай это!

— Тамара, скажу честно, пока вопрос о выходе — твоим или кого-то еще из Ботаников — не стоит. Отсюда выйдут те, кто выживет, и то лишь тогда, когда болезнь будет излечена. Да и не к лицу тебе просить о таком: сама же говоришь, что из-за вас с Виктором все началось. Ты должна принять ответственность на себя и работать здесь, с этими людьми, которые страдают по вашей вине.

— И это говоришь ты, Анна? Это говоришь ты?! — Тамара произнесла это надрывным голосом, едва не срываясь на крик. — Вспомни, кто инициировал полевое испытание мице-

ЗАХАР ПЕТРОВ

она здесь, в Ботаниках? Кто кричал на Ученом совете и в Инспекторате, что это решит проблему продовольствия в Республике? Ты! Мицеон — это твое детище! Это ты, Анна, во всем виновата...

— А ты считала по-другому? По-моему, ты была докладчиком на Ученом совете.

— Что я? Кто я такая? Я во всем верила тебе, — теперь Тамара уже плакала. — А надо было верить Виктору... Он нашел мицеон, он увидел его пищевую ценность и плодovitость, но он же предположил, что мицеон, вернее, его первичные, не дошедшие до нас формы, — биологическое оружие, сброшенное в Последнюю мировую. Он ведь и тебе говорил не раз, что мицеон продолжает мутировать, и нельзя проводить его открытые испытания, пока мы не найдем устойчивую форму...

— Так это же ты убедила его молчать на Ученом совете...

Вера, даже не видя лица профессора, не сомневалась, что та произнесла эту фразу с омерзительно циничной улыбкой на лице. Тамара уставилась на Анну, потом истерично всхлипнула и, уже задыхаясь от плача, произнесла:

— Да, я... Это я по твоей просьбе убедила его молчать... И он согласился... И ты была уверена, что он согласится, потому что знала, что я для него значу... Я его использовала для тебя... А ты нас использовала для себя самой... Ты по нашим трупам въехала в Ученый совет...

— Все, хватит, Тамара. Поговорим об этом позже, а пока осмотрим инфицированных.

Тамара отвернулась, продолжая тихо подвывать, надела головную часть скафандра и стала затягивать шнуры, зажимающие герметичные стяжки между головной и туловищной его частями. Из-за трясущихся рук или безразличия она сделала это не очень тщательно, и одна стяжка завернулась так, что в образовавшуюся щель сзади была видна тощая шея Тамары. Анна в этот момент стояла сзади и однозначно заметила эту оплошность. Вера была уверена, что она поправит стяжку своей подружке или хотя бы сообщит ей о разгерметизации, но та

МЕТРО 2035: МУОС. ПАДЕНИЕ

не сделала этого, даже когда ее коллега направилась к легро-зорию.

— Пойдите, я вам скафандр поправлю, — громко сказала Вера, догоняя Тамару. Проходя мимо профессора в узком коридоре, она специально, но как бы нечаянно толкнула ее.

Лепрозорий находился в мастерской поселения Ботаники. В старой ржавой двери не было предусмотрено запорного устройства, между дверью и стеной коридора вставлялись упоры, не дававшие открыть дверь. Так от больных ботаников отгораживались ботаники здоровые или, вернее, считавшие себя пока здоровыми. Перед тем как открыть дверь, по команде Веры двое ее людей поставили на боевой взвод арбалеты и вскинули их для возможного выстрела. На удивление, за дверью не было слышно плача или стонов, не было слышно ни единого шороха.

Одна потолочная лампочка мастерской давала очень тусклый свет. В тесном помещении на станках, верстаках, стульях и прямо на полу сидели и лежали около двадцати больных. На звук открывшейся двери они зашевелились, начали вставать и подходить ко входу в мастерскую.

— Назад, всем назад! — приказала Вера.

Больные остановились и молча уставились на посетителей. На этих людей, больше похожих на леших, было страшно смотреть. Их тела полностью покрылись наростами, словно стволы трухлявого дерева трутовиками. У некоторых из-за этих твердых на вид опухолей не было видно глаз, носа, ушей. Профессор отшатнулась от дверного проема и, похоже, только усилием воли заставила себя сделать шаг обратно и снова смотреть на эти порождения кошмара.

— Они насквозь пронизаны мицелием. Грибница, вцепившись в живой организм, постепенно разрастается, одновременно подавляя иммунную систему. Я думаю, что иммунитет полностью ломается через несколько дней после заражения. На этой стадии у зараженного отмечается повышенная темпера-